

Наш быт — наша культура

ЛЮДИ И ВЕЩИ

ДИАЛОГ С ПИСАТЕЛЕМ

О ЦЕННОСТЯХ ИСТИННЫХ И МНИМЫХ

Жизненная позиция. Какой шкалой ценностей пользуется человек при ее выборе? Почему у многих людей страсть к накопительству, погоня за вещами становится главным смыслом жизни, обрекая их на духовное обнищание? Что противопоставить «вещизму»?

Эти вопросы, судя по редакционной почте, вызывают законную тревогу у многих наших читателей. Их письма и побудили нас к сегодняшнему разговору на страницах газеты с писателем Эдуардом Кондратовым, который часто обращается в своих очерках и повестях к теме нравственного выбора, к исследованию причин, порождающих «вещизм».

Корреспондент: Предмет нашей беседы имеет множество аспектов. Поэтому с самого начала хотелось бы обозначить тему нашего разговора, скажем, вот таким примером. Как-то дела журналистские привели меня на вещевой рынок, что находится в районе поселка Энергетик. Это надо видеть! Со стороны автобусной остановки, от электрички к воротам рынка движется сплошной поток людей. Гигантским водоворотом закручивается на его территории. Какое-то время ты чувствуешь себя беспомощной щепкой, влекомой чьей-то злой и сильной волей. Чего тут только нет! «Джинсовые», «сапожные», «шапочные» ряды. По разноцветным наклейкам на товарах можно изучать географию частей света. Торгуешь, к огорчению, молодежь, и чаще — представители сильного пола. Полушопотом называют астрономические цены... Но ведь покупают. Помню, девочка лет семнадцати, бесстрашно раздвинув до трусиков, на холодном ветру примеряла джинсы. Рядом без тени смущения стоял продавец, рослый вежливый парень. Глядя на такие вот «рыночные картинки», невольно думаешь, откуда у этих парней и девчат этакая оголтелая страсть к обладанию дефицитной вещью? Во что бы то ни стало! Хорошо, если с возрастом вещная болезнь пройдет, как корь или скарлатина. Но ведь мы видим, как добывание джинсов, страсть модно одеться со временем перерождается в неустанный добывание жизненных благ, становится главным смыслом жизни. Это-то и страшно. Ясно, что с этим явлением надо бороться.

Э. Кондратов: Наверняка не так, как у нас, боролись в 20-е годы. Когда я работал в архивах, собирая материал для книги «Тревожные ночи Самары», мне порой попадались протоколы собраний, где горячо клеймилась «мелкобуржуазные отрывки» некоторых парней и девушек, пытавшихся приодеться по красивее и помоднее. Да что там архивы — поговорите со своими бабушками и дедушками, они порасскажут, как в годы нэпа комсомольцы боролись с галстуками и шляпками. Недаром как откровения воспринимались чуть позднее строчки песни: «Можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда». Но, право же, язык не поворачивается осудить эту борьбу. Ведь суть ее, хоть и затемненная крайностями, благородна, она — в опасении пролетарской молодежи за своих товарищей, для которых лозунг разряженных напманов и бездуховных мешан «Даете красивую жизнь!» становился притягательным, вытеснял светлые девизы социализма. Кто в ту пору мог шикарно одеваться! Непомня. «Нетрудовой элемент», который материальные приобретения, в том числе и красивую одежду ставил выше духовных ценностей. Вирус «вещизма» и в наши дни отнюдь не безобиден, он болезненно искажает сознание и психику человека, выхолащивает его душу, переключает энергию на цели, которые высокими никак не назовешь. Предпочтение материального духовному всегда было отличительной чертой мешанства, так что эту болезнь — сладострастную погоню за тряпьем давайте так прямо

и назовем — о-мещанивание.

Корреспондент: Не слишком ли сурово? А не попахивает ли ханжеством такое вот осуждение стремления людей модно и красиво одеться?

Э. Кондратов: Стремление человека красиво одеться естественно. Суть в том, какой ценой оно удовлетворяется, чем расплачивается человек за вещи. И когда девочка яростно требует у больной матери дубленку, важнее не сумма, какую надо заплатить за вещь, а по-настоящему ли человек гуманен, сострадателен. Душевный ущерб огромен, невосполним. В жертву вещи приносятся самые дорогие человеческие чувства, ради них идут на любые лишения. Вспоминается случай, который мне рассказали во время одной из встреч студента. Их однокурсница целый год экономила на обедах. Не ходила в театр, в кино, на вечеринки — экономила деньги на замшевую куртку. Как она объясняла, «чтобы не комплексовать». У других есть — теперь у нее тоже...

Корреспондент: Что ж, значит не души прекрасные порывы, а одежда, по которой встречаются и провожают. Но ведь бесспорно и другое: обладание желанной вещью принесло владельцу душевный комфорт, пусть и временный. Не так давно в «Литгазете» я прочел письмо о том, как одна актриса потратила немало сил и энергии, чтобы обзавестись у спекулянтов дубленкой, шапкой, кажется, австрийскими сапогами. А зачем? Ей стало легче решать деловые вопросы. Иное отношение. Так что и у студентки, и у актрисы налицо не столько желание выглядеть красиво, а стремление облегчить себе жизнь.

Э. Кондратов: Но легче — не значит лучше. Слово «удобнее» — не синоним слова «счастливее». Предположим, кто-то где-то через пресловутых «доставал» с черного хода приобрел престижную тряпку. Надел ее на себя и стал «уважаемым человеком». Но в чьих глазах? Вряд ли в своих собственных: прикосновение к «подпольному» миру махинаторов неизбежно вгонит занову в его совесть, уменьшит самоуважение. В глазах прохожих, случайных встречных, завязанных тряпичников? Не стоило мारаться. В глазах друзей, товарищей по делу? Ничуть: они по-прежнему будут оценивать его личность не по кожаной куртке, а по деловым качествам, профессиональному мастерству, душевным достоинствам. Вспомните профессора Любичева — героя повести Д. Гранина «Эта странная жизнь» — старался одеваться понекастистей. Зачем? Чтобы давить в себе всякое проявление мешанского самолюбия, страдающего от взглядов тех, кто привык судить о людях по одежде.

Корреспондент: Таким, как Любичев, легче. Они одержимы высокой целью, им есть что противопоставить обывательской психологии престижности и накопительства. Молодым держаться, как он, куда труднее. Нет достаточно устойчивого иммунитета к вирусу «вещизма». И что бы мы с вами ни говорили, желание одеться не хуже, а лучше, чем сверстники, за-

частую заставляет их идти даже на унижение, даже против совести.

Э. Кондратов: Вот об этом и речь — против совести! А пойти против совести, даже в мелочи, это значит сказать себе: я, имярек, личность слабая и ради барахла готов самого себя не уважать. Значит, грош мне цена. Вселух такого о себе не говорят, конечно, но где-то внутри скребет, мается человек, как ни глушит он то, что мы зовем голосом совести.

Корреспондент: Пока не появляется привычка...

Э. Кондратов: О таких, что утратили ощущение грани между порядочностью и бесчестием, речи нет. Не о них и не для них ведем мы с вами этот разговор. Они точно знают, что совесть, честь, принципы — это слова, дым, а вещь — это вещь, это осязаемо. К счастью, совесть для русского человека исконно была одним из его определяющих качеств. И дорожить этим сокровищем души ох, как надо!

Помню, как неловко мне было недавно наблюдать в Кировском райотделе милиции города Куйбышева сцену составления протокола по поводу нарушения правил торговли на вещевом рынке. Нарушитель — интеллигентный, как красиво седеющей шевелюрой, лицо пышет благородством. Главный инженер одного из НИИ, а торговал на барахолке одеждой по спекулятивным ценам. И пускай вельветовые брюки и замшевая куртка — его личные вещи, быть может, и не нужные ему. Быть может, ему позарез были необходимы деньги, и все равно — приторговывать на рынке, бродить, обвешанным барахлом — нет, честное слово, достоинство дороже.

Корреспондент: К сожалению, у многих где-то она поистерлась, стала размытой, эта грань между «достойно» и «недостойно».

Э. Кондратов: Верно. Ну, кто, к примеру, сурово осудит завязатого лодочника за то, что он купит у шофера проезжающего грузовика канистру бензина? Вроде бы житейский пустяк. Но давайте будем называть вещи своими именами. Ведь в самой сущности своей — это покупка краденого, это поощрение расхитителя государственного горючего. Чего стоит хотя бы ставшее обиходным словечко «доставал». В юридически строгом переводе оно означает не что иное, как использование противозаконных способов. Еще откровеннее — «устроил». Даже прекрасный глагол «делать» зачастую приобретает теперь поганенькую подкладку: «сделал тому-то мебельный гарнитур». Не сработал сам, не строгал, не пилил, а «сделал», то есть использовал свое положение, свои связи, а попросту — блат.

Корреспондент: А если, скажем, позарез нужен бензин или запчасти к «Жигулям»?

Э. Кондратов: Нет денег на покупку бензина по госцене — не ездят. Нет возможности купить в магазине дефицитную вещь — не ищи потаенных щелей. Это не хлеб, можно прожить и без нее. Честь дороже. Почаще бы нам вспоминать об этом индикаторе наших поступков — чести. Честь — драгоценность, какую у нас, если мы того не захотим, никто не отнимет. Потребность самоуважения органична для личности. Жить с чистой совестью, не пятая свою честь даже по мелочам, — это счастье, доступное, кстати, каждому. И напротив, я в этом уверен, бесчестный человек, живущий не по средствам, хоть он возможно и утопает в благополучии, все равно испытывает психологический дискомфорт. Ведь и он прекрасно знает, что жить нечестно — плохо. Предосудительно. Да и привлеч к ответственности могут. Кошки на душе скребут постоянно — что такому завидовать?

Корреспондент: Но не будь дефицита, и совесть людей слабых, назовем их так, не испытывалась бы на прочность. Не подвергалась бы усталостному износу. Не возникало бы тогда этих джипов и дубленочных критериев престижности. Обилие добротных вещей решило бы эту проблему раз и навсегда.

Э. Кондратов: Но взгляните с другой стороны: обилия нет, а большинство модно и красиво одеваются. Значит где-то берут? Значит вещей почти хватает? Только вот перераспределяются они не открытыми, а кривыми путями. Вот и выходит, что покупая дефицитные вещи, мебель, машины по спекулятивным ценам, мы тем самым поощряем рвачей и захребетников. Стимулируем их на новые злоупотребления. Кстати сказать, во многих учреждениях, на предприятиях есть категория людей, всегда готовых «доставать», принести прямо на работу дефицитные вещи. И зачастую вместо того, чтобы их презирать как спекулянтов, к ним относятся с элементом преклонения. Жестче надо с ними! Строже спрашивать. Где берут? По какому праву продают выше государственных цен?

Корреспондент: Наша общая задача — умно, продуманно, последовательно формировать у подрастающего поколения систему нравственных ценностей. Учитывать верно определять в нашей жизни меру значимости быта и вещей.

Э. Кондратов: Но подумаем и над инструментом воспитания высоких нравственных начал. В наши дни главной фигурой, которая способна и должна охранить человека от бездуховности меркантилизма, является учитель. Школа жизненных ценностей начинается складываться с детства. О роли родителей и говорить нечего. Нужно с пеленок воспитывать в детях пусть не равнодушное, но, по крайней мере, спокойное отношение к вещам. И опять-таки воспитывать не столько поучениями, сколько личным примером. Своим поведением мы доказываем, что какой бы ценной вещь ни была, наши чувства, наши добрые помыслы — дороже. Помню, как однажды, лет пятнадцать назад, мы с моим другом журналистом Борисом Петровым зашли по какому-то делу домой к хирургу Юрию Ивановичу Владимирову. Узнав, что мой друг — завязатый охотник и к тому же уезжает работать в Сибирь, Владимиров, тоже любитель охоты, достал новенький комбинезон на меху. «Возьмите, — сказал он Борис, — вам он будет нужнее». Дорогой подарок совершенно незнакомому человеку Юрий Иванович сделал не только с легкостью, но и с удовольствием. Почему? Потому что ценность вещи он видел не в рублях, а в степени ее необходимости. Он считал, что так будет справедливее: ведь в Сибири холоднее! На меня его поступок произвел тогда сильное впечатление. Но ведь и кавказский обычай дарить гостю понравившуюся вещь замешан на тех же дрожжах: обладать вещью хорошо, а доставить человеку радость — лучше. Право, каждому из нас стоило бы время от времени «тренировать» душу подобным образом, как бы говоря самому себе: «Я выше вещи, я ее господин, а не раб». Ведь любой, даже маленький компромисс с совестью дает непременно осадок, и каждому — будь то ученый, рабочий, студент — жизнь представляет каждодневно возможность не давать этому скверному осадку выпадать. Главное — стараться не прейскурантом мешанины оценивать жизнь, а цеником, где на первом месте стоят истинные для человека сокровища. А какие — об этом мы уже с вами говорили.

С. ЖИГАЛОВ.